

Кто «Чайку» с небом подружил

КРУПНЫЙ ПЛАН

За чтением газет и журналов Валентин Иванович Диунов похож на хирурга во время операции. Рот и нос закрывает самодельным марлевым респиратором: на типографскую краску у него аллергия. Этим полезным, но вовсе не безопасным для здоровья делом ярославский старожил по доброй воле занимается с тех пор, как себя помнит, то есть, будем считать, как раз три четверти века. Бросать вроде как поздно, несмотря на аллергию. Еще отец его, университетов не кончавший, дня не начинал без «Северного рабочего».

Чтение у Диунова не простое, с ножницами в руках. Другого столь же общедоступного способа «остановить мгновение», как думает Диунов, пока что никто не изобрел. Что-то зацепило – вырезку в папку. Их у него два битком набитых двухстворчатых книжных шкафа. Каков круг интересов хранителя коллекции видно по надписям на корешках.

«Москва», «Ленинград», «Война» – целый пятитомник. Отдельно «Авиация на войне» и просто «Авиация». Две папки огненно-красного цвета: «Репрессии» и «Репрессированные». Рядом читаем: «ШИЛ». Что сие такое? Оказывается – «Широко известные люди». Но к вождям и высшим руководителям – особое уважение, все под одной обложкой, от Ленина до Путина.

Целая полка – ярославская, тут вырезки в основном из «Северного». Нынешней весной эти папки Валентин Иванович открывал чаще остальных. Участник всех трех викторин «Хочу все

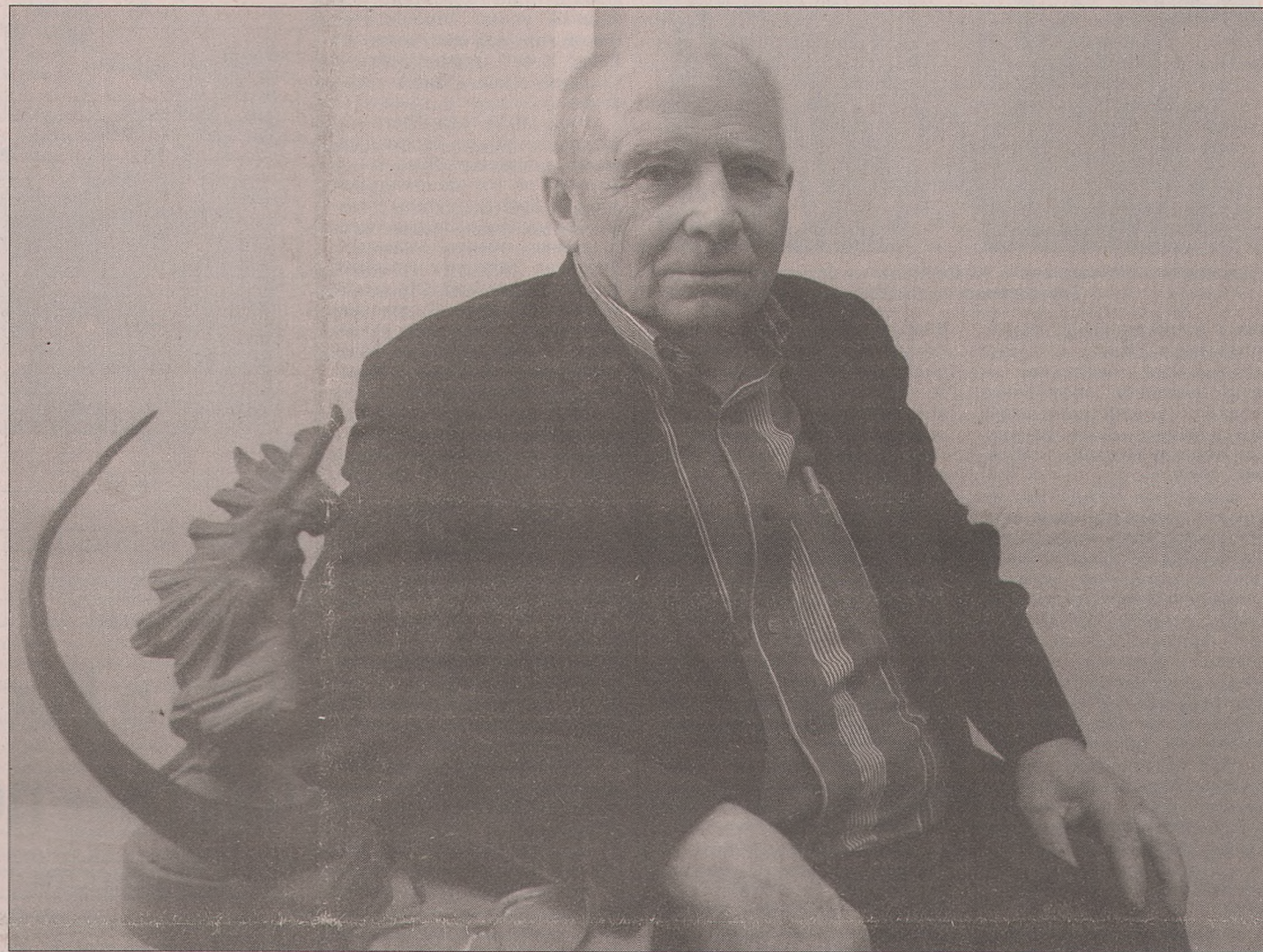

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

знать о Ярославле», призер прошлогодней, Диунов непрочь был повторить успех. Правда, на первый приз не рассчитывал. Ответил на все вопросы, за исключением самого последнего, по счету сто пятидесятого – о том, когда прошли в нашем городе первые соревнования по баскетболу.

Нисколько из-за такой закавыки не унывает:

– Ну не мой, не мой это вид спорта!

Его, Диунова, «вид спорта» – другой.

ЧТО ИЩУТ ОНИ В НЕБЕСАХ

В гости к Валентину Ивановичу мы давно собирались и вовсе не в связи с викторинами. Это он, старший инструктор Ярославского аэроклуба ДОСААФ, учил прыгать с парашютом двадцатидвухлетнюю фабричную девчонку с «Красного Перекопа» Терешкову Валю. За одно это ему на небесах зачтется. Но и сам-то он вот уж и впрямь личность историческая.

Помнит довоенные праздники авиации на аэродроме еще не

в Карачихе, а в Дядькове, давно закрытом. Кто из мальчишек тогда не видел себя во сне Валерием Чкаловым, летчиком-героем, отважным парашютистом. Со знанием дела оценивали они с летного поля лихие «бочки» и «штопоры» двухкрылок, таких, кажется, неповоротливых на земле. После показательного десанта наперегонки бежали пацаны смотреть, как устроены парашюты – их даже разрешалось трогать руками.

В армию Валентина мобили-

зовали 1 июня 1942 года, «на возраст» – в четырнадцать лет по спецнабору. Его передней линией фронта стала обувная артель на тогдашней Московской улице. Чинили-подшивали пехоте валенки, истертые на марше, изодранные осколками, прожженные у костров на привалах. Работу принимал военпред. Напортачили – сами и переделывайте за счет свободного времени.

Уважительной причиной для прекращения работы мог быть только авианалет. Дамбу и сталь-

ной «американский» мост через Которосль, с верхотуры которого он не раз летом прыгал солдатиком, немцы атаковали прицельно. Одна болванка от неразорвавшейся бомбы долго торчала у всех на виду на откосе дамбы.

Его мальчишеские сны начали сбываться уже после войны, в десантных войсках. Первый прыжок с перкалевым, из хабз, боевым одноразовым парашютом на учениях в 76-й Псковской дивизии ВДВ Диунов выполнял с аэроплатформы. Поднимали и опускали тот похожий на огромную каплю воздушный шар на обыкновенной лебедке. Тогда же Валентин Иванович получил и первые уроки «небесной педагогики». Комвзвода, чтобы подбодрить перед прыжком притихшее воинство, прямо в самолете душевно так затягивал: «Споемте, друзья, ведь завтра в поход, уйдем в предрасветный туман...»

Много позже понял Диунов, что храбрецами не рождаются – ими становятся, и небо для парашютиста лучший педагог-наставник. Настраивает на нужный лад без всяких поучений. На войне все проще: вперед, десантник, родина зовет! А как объяснишь про долг двадцатилетней девахе? Тут вступает в силу другая, причем самая незамысловатая логика. Фабричных девчонок в аэроклуб никто не тянул – прыгать ведь сами захотели.

Никаких душевспасительных бесед перед прыжком парашютист не любит. Инструктор поопытней это знает, но уж на досуге не упустит случая поговорить на щекотливую тему, чего они там, в небе, ищут. У самих новобранцев в таких разговорах и лишнего слова не вытянешь. Но если кто-то из них неосторожно взболтнет, что пришел, дескать, себя испытать, может и на каверзный контрвопрос нарваться: а как у вас, покоритель неба, насчет Отчеству послужить?

Со злостью непонятливыми расставались безжалостно, слов поделикатнее не выбирая:

– Ступай-ка ты, дружок, домой, у нас тут не цирковой аттракцион.

(Окончание на 2-й стр.)

Кто «Чайку» с небом подружил

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

ХРАБРЕЦАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

После дембеля Валентин Диунов в аэроклуб пришел не сразу. Собирал двигатели на автозаводе, неплохо зарабатывал. Парашютным спортом занимался по принципу: делу

шпиллил вещдок прямо к странице своего аэроклубовского дневника. Для себя писал. О существовании тайных текстов знают только самые близкие люди. Между тем никаких сверхсекретов там нет, просто командиры не поощряли беллетристики. Сам аэроклубовский Пимен относился к подобным строгостям с улыбкой. Когда заводил первый

же, чем мы, инструктора, к своим ученикам.

Что про это думала сама Валя, мы с автором дневника «услышали» от нее самой. Вынули из конверта вложенное меж страниц письмо — отсылала из отряда космонавтов, примерно за год до полета. Читаем: «Приехали в Москву 10 марта. Все время переживала. Все девчата — кори-

училище. Жизнь пошла по другой стезе. Но сына своего Таня назвала Андрияном, в честь мужа своей подруги Вали — космонавта Николаева.

Тут Валентин Иванович, как факир из пустоты, достает очередной нигде и никогда не опубликованный рукописный «вкладыш» — записку Татьяны Морозычевой следующего содержания: «Прошу парашютное звено закрыть в этом сезоне мои прыжки, поставить временно на них крест. Слезно прошу мне не отказать. 1 апреля 1962 года».

По диагонали на заявлении — размашистая шутейная резолюция красным карандашом за подписью инструктора Диунова: «Просьбу удовлетворить». В аэроклубе были в курсе дела. Так оценим же истинно первоапрельский юмор парашютистов!

Настал черед открыть нам увесистый фотоальбом. Смотреть его можно хоть до вечера. Вот кадр, сделанный фотоаппаратом Диунова. Место действия: балкон дома еще на Голубятной, нынешней улице Терешковой. Некий чин как раз уехал на Кубу, и его трехкомнатную квартиру дали «Чайке» и ее семье.

Июль 1964 года. Гости вышли проветриться. Заряжал аппарат владелец «Дураты», а щелкнул по его настоятельной просьбе брат Валентины Володя. Все ужасно молодые. Кого-то узнаешь только с подсказки. Валентин Иванович называет, кто слева направо: Станислав Морозычев, сама Валентина, инструктор аэроклуба Александр Рошин, космонавт Валерий Быковский, Татьяна Морозычева, космонавт Андриян Николаев и он, присел на переднем плане, Диунов. А в самом центре — его высочество белый пудель Терешковых Пеппи.

УХОДЯ, АС ОЦЕНИЛ: «ГОДИТСЯ!»

Из аэроклуба Валентин Иванович уходил в 70-м, по выслуге лет. В должности машиниста холодильной установки ремонтировал торговую технику. Рассказывая о том не самом романтическом периоде своей жизни, и тут без шуток не обошелся:

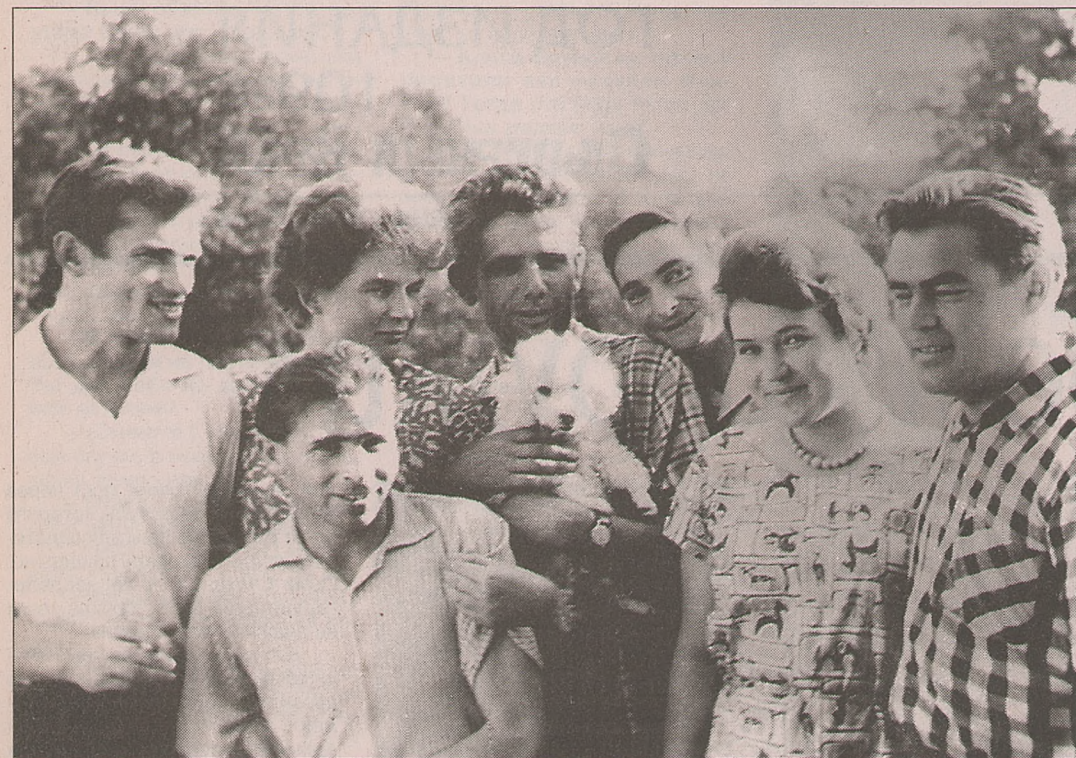
— Пристально следил машинист, чтобы в гастрономе у нас в Брагине не прокисла килька.

Последний свой прыжок Диунов выполнил за два дня до увольнения. С шестиста метров, обычный тренировочный. Правда, с разрешения начальства парашют достался ему не простой, со щелями в куполе. Вращая его, направлял полет струями воздуха. «Летающее крыло» со снайперским попаданием в кружок с диаметром десять сантиметров появилось куда позже. А для того времени хитрая самоделка, доверенная асу, была последним поиском парашютных мод. Испытание прошло без сучка и задоринки, новинку поставили в серию.

Добрались мы в домашнем музее Валентина Диунова и до коробки с наградами. Для него самая дорогая — медаль 1946 года «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» — за те самые солдатские валенки. Из двухсот безусых умельцев такую медаль получил только каждый десятый.

Дорожит Валентин Иванович и старой эмблемой ВДВ: расправленные крылья, парашют посередке. Вот уж действительно музейная редкость. Кому-то наверху крыло показалось похожим на орла с царского герба, и эмблему забраковали, заменив другой.

Юлиан НАДЕЖДИН.

Снимок из домашнего фотоархива В. И. Диунова: на балконе квартиры Терешковых на бывшей улице Голубятной.

время, а потехе час. Но в нужный момент переломил судьбу без лишних раздумий. На хилые досафовские хлеба бывшие десантники, само собой, не рвались. На собеседовании в военкомате у кого-то обнаруживались «семейные обстоятельства», кто-то прямо говорил: «Да напрыгался я в армии, хватит».

Неволить никого не стали, не тот случай. Из двенадцати вызванных отобрали, кроме Диунова, только двоих рыцарей без страха и упрека — Аристову и Рошина.

В небе уму-разуму учиться быстрее, чем на земле. На счету Валентина Диунова за четверть века — 1642 прыжка. По спортивным меркам немного. Но такова селяви — на себя инструктору времени никогда не хватает, его задача: чтобы побольше прыгали ученики. А вот школу риска сам он прошел от и до.

Знает, что такое прыгать с задержкой раскрытия на тридцать секунд и больше. Десантировался с оружием «на незнакомую местность». У него полсотни ночных прыжков, полторы сотни — на воду, и там, и там требуется натренированный глазомер, скрупулезный расчет времени и особое, с опытом приходящее чувство пространства.

Диунов тонул в болоте, которое с высоты принял за красивую сухую луговину. Как легкий парусник в бурю, тащил его по снежной целине. Прыгал и в грозу. Чем чудак человек рисковал, сообразил, когда уже на земле «вблизи увидел, как огненный всполох молнии беззвучно ушел в землю, оставив на траве черную опалину».

Однажды перехлестнуло стропой, ветром вывернуло наизнанку купол. Парашют в ключья изодраило сучьями на вершине старого дерева. Сам остался цел только потому, что прыгали в тот день на воду, и когда понесло его к противоположному берегу Волги, удар смягчил спасательный жилет.

Один из тех лоскутьев Валентин Иванович дал пощупать. Когда-то на память при-

том, у верхнего среза обложки «амбарной книги» написал: «совершенно секретно». А когда закончил последнюю страницу, решил жанр уточнить и резко снизить. Зачеркнул первый вариант, поставил: «разное».

Дневничок между тем не простой — с вкладышами и видеоприложением. Хранит редкие снимки из истории авиации и космонавтики. Имеется и авторский фотоархив: 250 пленок, отснятых лет за тридцать безотказной немецкой камерой «Дурата-2», зять подарил, служивший в группе советских войск в Германии.

На тот аппарат, как и на весь архив, конечно, положили глаз музейщики и коллекционеры. Хозяин пока что ничего не отдает, а про исправную до сей поры «Дурату» при случае обмолвится:

— Зачем отдавать, если она на пенсию еще не собирается.

В общем, полистали мы те записи, будто книжку с картинками почитали. Будущая «Чайка» в ней отнюдь не главная героиня — одна из многих. Это-то как раз и всего интересней.

ИСПОВЕДЬ ФАБРИЧНОЙ ДЕВЧОНКИ

Первое упоминание о Терешковой находим не в дневнике, а во вкладыше — рабочей тетради инструктора Виктора Хавронова, по профессии электросварщика. Во второй строке — заветное имя. Место работы: ленторвничный цех, специальность: ровнишница — так раньше писали, с буквой «щ». Образование: 8 классов. Отметки «по парашюту» всякие разные. Видим, закралась и «троечка». Круглых отличников у строгого Хавронова, оказывается, просто не бывало.

— Если бы еще одну графу, насчет характера, в том журнале успеваемости завести, — вставляет свое слово Валентин Иванович, — против фамилии Терешковой я бы написал: «заводила». Хотя сама она себя таковой не считала, относилась к себе еще стро-

феи в парашютизме, а я ведь кулема. Это еще раз подтвердилось на первом занятии физдо. Первые дни буквально болело все тело. Вечером приходила домой и падала от усталости замертво. А утром все снова. Ну, теперь все в норме».

И дальше: «...Нас тренирует Феликс Неймарк. Что можно сказать о прыжках? Падаю ничего, фигуры корявые, начало получаться заднее сальто. Никак не могу отработать точность («...приземления» — подсказывает Диунов). Феликс, правда, говорит: не все сразу, но мне уже стыдно, девчата прыгают лучше меня».

Концовка письма такая: «Очень прошу, пишите мне. Погода стоит отличная. Вы, наверно, здорово прыгаете. Как поживает наш «Антон»? Мы прыгаем с Ил-14 — вообще ничего, иногда считаешь все заклепки. Поцелуйте за меня Танюшку! Московская область, Щелково-4, 26 марта 1962 года».

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЕ ПОДРУГИ

Не дожидаясь вопросов, Валентин Иванович беретя вкратце пояснить, кто такая «Танюшка» и за что именно ей особые Валины почести. Таню Торчилову тоже отобрали «как бы» в сборную по парашютному спорту — вместе с Терешковой и другими ее, с той поры до самой перестройки, засекреченными подругами Аллой Кузнецовой и Верой Квасовой.

На Торчилову делали ставку, она уже была перворазрядницей, призером зональных соревнований. Прошли годы, стала Таня серебряным призером чемпионата мира, мастером спорта международного класса с тремя с половиной тысячами прыжков.

Ее давно с нами нет, а когда начался отбор в отряд космонавтов, она как раз вышла замуж за инструктора аэроклуба Станислава Морозычева. К тестированию оказалась в «интересном положении», и ее отчислили. В свой час закончила она художественное